

Сергей
Коротков

РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ЗВЕЗДОЛЁТ

Рядом с баней, в глубине двора, стоял сарайчик – дровник, а за ним был небольшой навес. Так себе навес: два листа старого шифера и несколько старых досок. Под этот навес Колькин папа стащил со всего двора и из гаража всякий железный лом. Папа порывался вывезти всё это старое железо, но руки так и не дошли. Про то, как ходят руки, Колька пытался несколько раз узнать у папы. Но папа сказал: «Ну тебя! Отстань!» А мама сказала: «Вырастешь – поймёшь». Колька решил вырасти и понять.

А вещи там лежали на самом деле интересные. Главное место занимала швейная машина, про которую мама говорила: «Мой старенький Зингер», – а потом вздыхала. Колька сильно любил маму и тоже вздыхал. Рядом с машиной стоял серый телевизор «Горизонт». Мама называла всё это вместе красивым словом «хлам». Колька любил смотреть на этот хлам. Даже перебирал его, крутил колесо швейной машины и, выдернув из телевизора (а задней крышки у него не было) лампы, рассматривал их серьёзные внутренности. Его ум мучил один важный вопрос (Колька пока не знал, что этот вопрос ещё и вечный): что делать? Что делать с этими интересными вещами? И вот однажды...

Так всегда бывает, что что-то случается однажды.

Однажды папа взял Кольку с собой. Папа сказал, что они идут «по делу» к дяде Пете. И у этого дяди Пети надо взять какую-то дрель. Дальше Кольке было неважно.

Дядей Петей оказался высокий дядька с большим носом. На нём была красная майка с дыркой, трико с пузырями на коленках и большой толстый живот. Колька почему-то и живот причислил к одежде этого большого дяди Пети.

У дяди Пети в гараже было прохладно. Пахло бензином и железками.

Посередине гаража стояло на толстых деревянных чурбаках и одном колесе какое-то странное устройство.

Колька уже несколько минут хотел спросить у хозяина гаража о том, что это, но не мог вклиниться в разговор папы и дяди Пети. Нужный момент наступил, когда дядя Петя спросил у Кольки: «Как идут дела?» Тот промямлил, что «ничего», и вдруг спросил:

– А что это вы строите тут в гараже?

Дядя Петя засмеялся, потом сделал серьёзное лицо, наклонился и сказал, глядя Кольке в глаза:

– Звездолёт.

Колька уже видел, как ремонтируют машины, но как делают звездолёты, он ещё не видел.

– А он полетит? – спросил Колька.

– Этот-то? А как же! – сказал дядя Петя. – Прямо отсюда и – к звёздам.

Папа и дядя Петя переглянулись, засмеялись, пожали друг другу руки. Дядя Петя пожал руку и Кольке. И разошлись.

Всю дорогу Колька думал, какой счастливый этот дядя Петя, что он может, никого не спрашивая, строить звездолёт.

Когда папа и Колька пришли домой, мысль, которая стала жить в маленькой голове самостоятельной жизнью, заставила спросить у папы разрешения строить звездолёт из того, что лежит за сарайчиком-дровником.

Папа засмеялся, зачем-то порыхлил Колькины волосы и сказал:

– Строй. Только запчасти от звездолёта по двору не разбрасывай.

– Пап, а как ты думаешь, он полетит?

– Я не сомневаюсь, – сказал папа. – Ты его только привяжи, чтобы не улетел.

И ушёл в дом. В доме что-то понадобилось маме, и без папы было ну никак не обойтись.

Колька даже «ура» не крикнул: он был уже на строительстве звездолёта. Швейная машина стала механизмом руля. «Горизонт» стал суперкомпьютером. Работа шла быстро. Кроватная сетка превратилась в кресло звездолётчика, а пластмассовый медведь без одного глаза стал самим звездолётчиком.

А в это время в доме мама пилила папу за то, что он «до сих пор не вывез этот хлам, и вот теперь Колька растащит его по двору, и он будет валяться под ногами, и вообще, мужики – неаккуратные люди».

Папа обещал всё сделать и завтра же всё вывезти.

Наступило завтра.

Папа рано утром погрузил все железки в прицеп и увёз их.

Мама проснулась позже папы. Посмотрела в окно. Металлолома не было.

«Вывез!» – подумала мама.

Колька проснулся позже мамы. Посмотрел в окно. Звездолёта не было.

«Улетел!» – подумал Колька.

ВОБЛА ИДЕТ

От всей большой перемены осталось пять минут. После перемены будет немецкий. Колька готовился «шпрехать». Вообще-то у него плохо получалось «шпрехать», да и мысли его были далеко, на берегу реки. Колька хотел заглянуть под воду. Там, в темноте волжской воды, шла вобла. А здесь этот «немец» будет приставать: «Биттэ, Коля! Вайтер, Коля! Шнеллер, Коля!»

Колька всей душой был на берегу, мысленно перебирал червяков в детском ведёрочке, осторожно насаживал их на крючок, забрасывал удочку и заворожено смотрел на сделанный из прутика сторожок.

На перемене было хорошо: все говорили про рыбалку, про то, что погода, как будто нарочно, такая хорошая, и что механик с насосной Николай Петрович поймал вчера целое ведро вот такой воблы. При этом по ходу разговора руки раздвигались всё шире, и вобла по размерам начинала походить на здоровенного леща.

Никто на перемене про немецкий не вспоминал. Колька вспоминал. «Но ведь немецкий будет и завтра, и на следующей неделе, и в новом учебном году, а воблы уже не будет», – убеждал себя Колька.

Вдруг он заметил (и как так получилось?), что он уже не в школьном дворе, а идёт по своей улице. Вот уже и дом. Вот мама.

– Что это ты, Николай, рано сегодня?

– Да у нас урок отменили, – вдруг вырвалось у Кольки, и на душе у него стало легко и даже весело. Всё! Можно идти на Волгу.

Колька старался убедить себя, что он не сбежал с урока, он просто ушёл. Ведь все сидят в классе, учеников Сергею Григорьевичу хватит. Может, он даже не заметит, что Кольки нет на уроке. Может, он даже по классу не пойдёт, а сядет за стол и закроется от всех журналом.

Ноги несли Кольку на берег. Ветерок с Волги приятно охлаждал лоб и уши.

Вот берег. Вот...

Почти весь Колькин класс, все кроме девчонок, рядом сидят на берегу и смотрят на сторожки.

– Вы чё, – кричал Колька, – с ума сошли? Вы чё все сбежали-то? А на немецком кто?

– А ты сам-то, скажешь, не сбежал?

– Я думал... Да у меня черви пропасть могут. Жарко же! – сказал Колька и стал разматывать закиднушку.

Всем, как и Кольке, стало на душе легко и даже весело: солнце светит, вобла клюёт, друзья рядом. А Сергей Григорьевич в школе один с девчонками «шпрехает».

А Сергей Григорьевич зашёл в класс и удивлённо уставился на пустые парты. Только за одной сидели близняшки Ниночка и Таня.

– Где все? – спросил с негодованием Сергей Григорьевич.

– А они сбежали на рыбалку! – заговорщическим тоном сообщили девочки.

– Они, наверно, домашнее задание не сделали, вот и сбежали.

Сергей Григорьевич был педагог молодой, работал первый год, и ему тоже хотелось ловить воблу, но он был человек взрослый, да к тому же ещё и на работе. Никак нельзя! И он пошёл к директору школы.

– Евгений Петрович, весь пятый класс сбежал на рыбалку. Что теперь делать?

– Ну что делать? – проговорил с улыбкой пожилой педагог. – Раз сбежали, то и вы идите домой. Ничего не поделаешь: вобла идёт! Потом разберёмся.

Сергею Григорьевичу стало легко на душе, даже весело: солнце светит, урока нет, можно идти на Волгу ловить воблу.

На берегу место ему нашлось рядом с Колькой.

– Клюёт? – улыбаясь, спросил Сергей Григорьевич.

– Ага, – буркнул Колька, опустив глаза, – только мелкая. Надо дальше забрасывать.

Через полчаса после Сергея Григорьевича на берег со старым синим портфельчиком пришёл и Евгений Петрович. Место ему нашлось рядом с Сергеем Григорьевичем.

На душе у всех было легко и даже весело. Солнце светит, вобла клюёт, все рядом: Колькины друзья, Колька, Сергей Григорьевич и директор школы.

НАГРАДА

На улице весна. Тепло. Степь за посёлком дышит молодой травой.

Славик сидит на толстом бревне. Он занят: перочинным ножиком строгаёт толстую палку, делает винтовку. Работа идёт медленно. Она бы шла быстрее, если бы дед разрешил взять топор. Но дед не разрешил, ему бабушка не велела. Она так и кричала с крыльца: «Ты что, Григорий, не видишь? Пацан топор в руки взял. Оттяпает себе что-нибудь. Тогда будем знать!» Вот дед и не разрешил. «Ты топор-то положи, а то будут тебе потом политзанятия! Будешь знать!» – сказал Григорий Иванович.

«А что знать? Какие такие политзанятия? Не поймёшь!» – думал Славик, строя палку. Рука быстро уставала. Тогда он аккуратно складывал ножичек, убирал его в карман и начинал разглядывать на своей груди важную вещицу.

Вещица была небольшая и состояла из двух частей: пластинки с красивой чёрно-жёлтой ленточкой и жёлтой тяжёленькой кругляшки. На этой кругляшке был нарисован какой-то дядька с усами, и было написано: «За Победу над Германией». Это была дедова медаль.

Славик взял её из бабушкиной коробочки в шифоньере, пока бабушки не было дома.

На их не слишком длинной улице дедушки были у всех мальчишек. Но это были какие-то молодые дедушки. Они на войне не воевали. А вот у Славика и его дружка Серёжки дедушки были настоящие, старые, боевые.

Про Славика и Серёжку говорили на улице, что они поздние внуки, а их родители поздние дети. Славик всё думал: «Поздние внуки, это кто? Они что, с Серёжкой опоздали, что ли, куда-нибудь? Или их папы и мамы опоздали? Придумают же! Поздние дети! Поздние внуки! Выходит, сами они ранние, что ли? Непонятно!»

В это время звякнула щеколда и скрипнула калитка в Серёжкином дворе, и на улицу вышел он сам. В руках у него был деревянный автомат. Он его сделал сам. Ну, почти сам. Дедушка немного помог, отпилил дощечку и топориком её обтесал.

Серёжа знал, что у дедушки плохо работает правая рука. Это всё война виновата была. Его бабушка так и говорила, когда помогала надевать деду рубашку или пиджак: «Ох, всё война виновата, и мина эта. Наградила проклятая!»

Серёжа хоть и был маленьким, всего восемь лет, но знал, что дедушка на войне был ранен. Мина рядом взорвалась.

Он подошёл к Славику.

– Здорово, Славка! Чё делаешь?

– Здорово, Серый! Вот, винтовку снайперскую делаю. Хотел топориком обстрогать, да дед не дал, – сказал юный оружейник, продолжая терзать деревяшку.

– А что это у тебя? – спросил Серёжа, разглядывая медаль на Славкиной рубашке.

– А, так, медаль дедова, – с пренебрежительной гордостью сказал тот. – Он не носит, вот я и взял поносить.

– А разве можно? – удивился Серёжа.

– Конечно! Бабушка коробку всё равно не проверяет, – понял по-своему вопрос Славик и спросил: – А у твоего деда награды есть?

– Не знаю, – ответил Серёжа. – Дед ничего не носит. Но бабушка говорила, что его наградили. Только я пока не видел.

– А ты спроси, – посоветовал Славик, прицеливаясь из недостворганной винтовки куда-то на угол дома.

В это время из-за угла показалась его бабушка. Она ходила в магазин с большой чёрной хозяйственной сумкой.

– Здравсте, баб Лиз, – сказал Серёжа.

– Здравсте-здравсте, – сказала та и вдруг внимательно стала разглядывать Славика.

– Ты что это себе повесил?! Ты?! Ты где это взял?! – начала нервничать бабушка Лиза.

Славик понял, что зря он медальку без разрешения взял, и убежал во двор.

– А ну-ка, солдатик, – обращаясь к Серёже, сказала бабушка, – топай-ка домой, а я пойду с этим кавалером-орденоносцем поговорю. Ишь, удумал!

И Славкина бабушка, повторяя: «Сейчас, сейчас. Сейчас я тебе покажу! Будешь знать!» – ушла во двор, громко хлопнув калиткой.

Серёжа посидел на бревне, подождал Славика. Тот не появлялся. Как видно, с ним проводили политзанятия, как говорил его дед.

«Наверное, это надолго», – подумал Серёжа и пошёл домой.

Войдя во двор, Серёжа уловил запах дыма. «Ага, деда баню топят. Хорошо, что папа перед командировкой дрова напилит и наколот».

Серёжин папа был капитан и работал в море. Дома не бывал месяцами, а один раз даже полгода дома не был. Серёжа тогда за это время первый класс успел закончить. Мама Серёжи работала на фабрике, шила ребятишкам рубашки и трусы, и сейчас была на смене.

Мальчик поднялся по ступенькам в коридор и прошёл на кухню.

– Баб, ты где? – позвал Серёжа.

Из бабушкиной спальни раздался тихий голос: «Серёженька, иди сюда».

Он вошёл к бабушке в спальню. Та лежала на кровати. Пахло каким-то лекарством.

– Баб, ты что? Заболела? Да? – спросил мальчик испуганно.

– Да, так. Ничего. Пройдёт. Давление что-то. Ты сегодня вот что. Ты сегодня с дедом в баню сходи, – сказала бабушка.

Серёжа знал, что деду самому мыться трудно, вот его и сопровождают всегда папа или бабушка.

– Ладно, схожу, – сказал он без особого энтузиазма.

Он считал себя взрослым и уже давно, скоро год будет, мылся в бане один. Перспектива мыться в бане с дедом ему не очень нравилась. Но Серёжа очень сильно любил деда, хотя, наверное, не понимал этого, и пошёл к деду помогать топить баню.

Серёжиным дедом был высокий старик со смешной лысиной. Смешной, потому что на ней было несколько длинных седых волосин, которые он всегда аккуратно приглаживал расчёской без нескольких зубчиков. Дед берёт эту расчёску. «Катин подарок», – говорил он, когда доставал её из кармашка. Серёже было смешно: «И зачем бабушка подарила деду расчёску, если у него всего три волосинки?»

– Дед, а ты много воевал? – спросил Серёжа, неся мимо деда охапку дров.

– Да нет. Много не пришлось. Несколько месяцев всего, – сказал дед, присаживаясь на скамеечку возле двери.

– А у тебя награды с войны есть?

– Есть, – сказал с неохотой дед.

– Деда, а, дед! А у тебя какая награда? Как у Славкиного деда – «За Победу над Германией»?

– Нет, у меня другая.

– А ты мне её покажешь?

– Ну, как будет такой случай, обязательно покажу, – сказал дед. – Ты, это, сходи-ка за бельишком. Там Катя всё приготовила.

Серёже становилось весело, когда дед называл бабушку Катей. А она его Васей.

Прямо как молодожёны какие-то!

В бане было жарко. Из-под крышки котла выбивался горячий пар. Мальчик стыдился своего голого тела и дедовой наготы.

У деда от правого плеча вниз к ноге шли длинные полоски-шрамы. Серёжа их и раньше видел. Это всё та мина проклятая. Но полоски были не страшные. Просто полоски. Только около одной был небольшой красный бугорок. А так все полоски были светлые и ровные.

– На, потри мне спину, – сказал дед и протянул Серёже большую намыленную мочалку. – Давай, давай! Три, не жалея.

И Серёжа тёр широкую дедову спину сначала вдоль, потом поперёк. Тот от удовольствия мычал какую-то песню и вдруг ойкнул.

– Эй! Ты там, поосторожней!

По намыленному боку стало расползаться красное пятно.

– Ну, чего там? – спросил дед, не поворачивая головы и опираясь руками о лавку.

– Деда, тут кровь, – сказал испуганный мальчик, – а там торчит что-то.

– А ну-ка, попробуй, потяни. Очередной выходит, значит. Эх, Катя не вовремя заболела! – пробурчал дед. – Ну, тяни, что ли!

– Деда, я боюсь.

– Тяни говорю!

Мальчик взял аккуратно пальчиками жёсткую занозу, потянул её, и в руке у него оказался маленький красновато-серый кусочек металла.

– Деда, что это?! – спросил он с широко раскрытыми глазами.

– Чего ты испугался? Ты спрашивал про награду? Ну, так вот она у тебя в руке.

По боку деда текла кровь.

По щекам мальчика текли слёзы и падали на дедову награду-осколок, смывая с неё кровь.

РОГАТКА

Славик сделал рогатку.

Хорошая получилась рогаточка! Рожки не очень широко расходились в стороны. Ручка не короткая и не длинная. Прямо рогатка, а автомат Калашникова!

Теперь у всех на улице были рогатки. Здорово! Можно стрелять по консервным банкам и даже по бутылкам. Как звонко они разрываются, если, конечно, попадёшь!

С рогаткой каждый чувствовал себя метким стрелком. Если кто промахивался по банке или бутылке, все дружно смеялись, и раздавался единый возглас: «Мазила!»

Можно и по воробьям пострелять. А то чего это разлетались везде, вишню клюют!

Но, правды ради, надо сказать, что попасть в маленькую подвижную птичку непросто. И каждый стрелял, понимая и надеясь, что не попадёт.

А Славик попал. Попал в воробья. Маленькая птичка кувыркалась в пыли, подпрыгивая и переворачиваясь. Славик растерянно смотрел на дело своих рук.

Все стали вдруг кричать: «Ты что!? Что она тебе сделала!?» Хотя стреляли все.

Лицо Славика перекосила гримаса. Он плакал, повторяя: «Я не хотел! Это случайно вышло! Я не хотел!»

Он нагнулся, накрыл ладонью трепыхавшуюся птичку. Птичка затихла. Славик взял её в руки. Тельце птички вдруг напряглось и обмякло. Головка воробышка, как тряпочка, свисала с ладони. Маленькая капля крови повисла на кончике клюва.

– Похоронить надо, – сказал Колька.

Он был самым рассудительным и знал, что делать.

Ручками рогаток вырыли небольшую ямку около забора, положили то, что осталось от весёлой птички, в ямку и засыпали землёй.

Разошлись по домам.

На другой день собрались снова, но рогатки больше никто не принёс.

ЖАДИНА

Мишка сидел на старой покосившейся скамейке у соседского забора и грустил. Он даже несколько раз, целых два, начинал плакать, но получалось плохо. Ну, не то чтобы плохо, а как-то недолго. Он сопел, хныкал, а вот слёз было всего две, да и те быстро высохли.

Не плакалось.

А плакать надо было. Мишка помнил слова бабушки, что если поплакать, то легче будет.

Плакать надо было, потому что он узнал, что стал жадиной.

Серёжка Рыжий так и кричал, бегая вокруг него: «Жадина! Жадина! Жадина-говядина! Жадина-говядина, солёный огурец, на земле валяется, никто его не ест!»

Он выкрикивал эти словечки с удовольствием. Они звучали с разными интонациями, и от этого было ещё обиднее. Но Серёжка был крепкий мальчишка, любивший подраться, и поэтому мирному Мишке стало ясно – он жадина!

Обидно, конечно. Но что поделаешь! Придётся как-то с этим жить.

А ведь всё произошло из-за пустяка. Мишка не дал Серёжке свой велосипед. Ну вот упёрся и всё. Он так ему прямо и сказал: «Не дам! Ты всё ломаешь. Тебе не жалко чужую собственность. Вот и не дам!»

Словечко «собственность» он услышал из-за забора от соседки тёти Клавы. Та часто, после похорон какого-то родственника, повторяла, что «собственность дело серьёзное, и не просто так государством охраняется» или «это у меня в собственности уже сто лет». Мишка, правда, сомневался, что тётя Клава такая старая, но слова про собственность запомнил.

Велосипед был у Мишки новенький, с синими полосками, с ещё полным набором ключей. Он был Мишкиным уже неделю. Когда они с мамой его покупали, то мама сказала тёткилавиным голосом: «Он теперь твой. Береги свою собственность!» – и засмеялась.

А Серёжка всё ломает!

Так Мишка стал жадиной.

Он сидел на скамейке один. Мальчишки с их улицы уехали на своих велосипедах купаться, а ему не сказали.

«Всё правильно! Ну кому охота связываться с жадиной!» – с грустью думал мальчик.

На другой стороне улицы, около дома Мишкиной подружки Иринки, лежала большая куча дров. Её привезли ещё вчера. Огромный самосвал, на котором работал дядя Коля, папа Иринки, долго прицеливался к месту, пыхтел синим дымом и сердито урчал, потом замер и натужно завыл. Кузов стал подниматься. Его поднимала красивая блестящая круглая железяка, по которой стекало масло.

Иринка гордо пояснила: «Это гидроцилиндр!» Мальчишкам не нравилось, что какая-то девчонка говорит просто так про совершенно мужскую вещь, но они ей это прощали, потому что уважали большую технику и дядю Колю, который на ней работал.

Мишка смотрел на кучу дров и на Иринку. Она брала в руки по две дровины и заносила их во двор.

«Трудно одной, – подумал мальчик. – Надо помочь». Он подошёл к куче, набрал охапку толстых дровин и понёс во двор. Работать было нетрудно, но почему-то скоро стало тепло, а потом даже жарко.

– Скоро папа приедет, – сказала Иринка.

– Это хорошо, – ответил Мишка, – а то дровишки всё тяжелее становятся.

Иринка засмеялась.

В это время около двора остановилась машина. Из кабины выбрался дядя Коля. Он был очень высокий, и всегда, когда проходил в двери или в калитку, нагибал голову. Наверное, боялся, что что-нибудь сломает. Ремонтируй потом!

– Ого! Да у нас появилась щедрая душа – подмога. Спасибо, старик! – сказал дядя Коля и протянул Мишке огромную ладонь. Он всегда обращался так к мальчишкам, отчего всем становилось сразу легко и весело.

– Пожалуйста, – сказал Мишка, – мне не трудно. Только я не щедрая душа, а жадина.

Дядя Коля, который уже вошёл в калитку, вернулся и в недоумении стал разглядывать мальчика.

– Как ты сказал? Ты жадина?!

Мишка доверял дяде Коле. Он же большой. Он не может обидеть.

– Да, так Серёжка Рыжий сказал. Я ему велосипед не дал кататься. Он всё ломает, – сказал со вздохом мальчик. – Я – жадина.

– Да какой же ты жадина?! Ты самый настоящий щедрый человек.

– Нет, щедрый – это тот, кто просто так с другими чем-нибудь делится. А я же ни с кем ничем не поделился.

– Эх, ты! Ты ведь свой труд Иринке и мне просто так подарил. Понимаешь? Труд! Это я уважаю!

Он поворошил Мишкину голову огромной ладонью.

– А на Серёжку ты внимания не обращай. Много он понимает!

Дядя Коля ухмыльнулся и ушёл во двор.

Так Мишка перестал быть жадиной.

Сергей Геннадьевич Коротков родился в 1961 году в Астрахани. Закончил факультет иностранных языков Астраханского педагогического института. Многие годы работает учителем в средней школе села Замьяны Енотаевского района. Пишет рассказы для детей. Автор книги «Звездолёт». С. Г. Коротков – лауреат Всероссийского конкурса-фестиваля «Русский лад», областных литературных конкурсов «День Победы», имени Мусы Джалиля.

В июне 2018 года отмечают:

80-летие

Эдуард ЖИЛКИБАЕВ (Константин Кешин), прозаик

Кадырбек УАЛИЕВ, театральный критик

Усен ШОЙБЕКОВ, прозаик

70-летие

Алимжан БАУДИНОВ, прозаик

60-летие

Максот ИЗИМУЛЫ, прозаик

Бакытбек САГЫМБЕКУЛЫ, поэт

Рахымжан ТУРЫСБЕК, критик

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

